

Н. Б. Янковская

ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ БОЛЬШЕСЕМЕЙНЫХ ДОМОВЫХ ОБЩИН В КЛИНОПИСНЫХ ИСТОЧНИКАХ

Сведения клинописных источников о большесемейном землевладении хронологически ограничиваются, по-видимому, материалами архивов III—II тысячелетий до н. э. Не претендуя на исчерпывающее использование всего, что можно отыскать по этой теме за такой значительный период, я, тем не менее, хочу дать общий обзор материала в хронологической последовательности, по возможности сосредоточившись только на одном этом институте. Таким образом, можно показать не только повсеместное его распространение, но и дать основные вехи его развития.

Большесемейная домовая община¹ была опорой гражданской общины, в связи с чем вопрос о ее состоянии имеет прямое отношение к центральным проблемам истории рабовладения в странах древнего Востока.

На самом раннем материале — материале шумерских архивов — эта тема разрабатывалась в статье И. М. Дьяконова «Купля-продажа земли в древнейшем Шумере и вопрос о шумерской общине»². Общество Шумера обогнало население прочих областей Передней Азии почти на целое тысячелетие: то, что мы находим здесь в III тысячелетии до н. э., характерно для остальных стран во II тысячелетии.

В древнейшем Шумере города-государства были основными административными единицами (URU, KI = ālu) и представляли обычно не одно поселение городского типа, а группу укрепленных поселений (ДКПЗШ, стр. 31—32, прим. 4). Внутри них большесемейная община была единственной землевладельческой организацией (кроме храма). Называлась она, как следовало ожидать для домовой общины, — Ё «дом»³. И. М. Дьяконов определяет ее как коллектив, связанный общим происхождением по отцовской линии, общностью хозяйственной жизни и землевладения, включающий больше, чем одну, семейно-брачную

¹ Этот условный термин в нашем изложении подразумевает землевладельческую организацию из нескольких патриархальных семей, первоначально объединенных в одно хозяйство и живущих под одной крышей. В наиболее развитой форме, которую дает Аррапха XV века, когда составляющие домовую общину семейства ведут уже индивидуальное хозяйство, все-таки сохраняется совместное обеспечение культа общих домашних богов, который обслуживает первородный сын старшего из братьев (отсюда его право на дополнительную долю из общего хозяйства).

² ВДИ, 1955, № 4 (далее сокращенно: ДКПЗШ).

³ Ср. о термине «дом» ЗВАХ, II, стр. 259, § 1, прим. 7; стр. 261, прим. 5 и 16 (§ 19 и 29); стр. 270, § 193 сл., прим. 5 и 7 (комментарий к хеттским законам).

ячейку (ДКПЗШ, стр. 28), и считает такую общину нормальным явлением в условиях натурального хозяйства. Для нас особенно важно, что земельный фонд территориальной общины в целом, в противовес храмовой неотчуждаемой земле, уже в этот период назывался GĀN-SĀM, что значит «продажные поля». Владельцы же общинных земель, главы домашних общин назывались LUGAL (стр. 16). Этот термин как титул правителя есть лишь частный случай употребления старошумерского слова с общим значением «хозяин, владелец, господин» (там же, прим. 2). На «Черном камне Луматура» имеется существенное уточнение: «хозяева поля, выборные люди дома М.» (там же, стр. 26), из чего следует, что хозяева этих полей не были единоличными собственниками общинного фонда. Кроме них, в сделках относительно недвижимости участвуют их родичи разных степеней родства, которых называют «сыновья поля», или «братья» (там же, стр. 32), очевидно, подразумевая под этим членов домово́й общины или, что то же самое, объединения патриархальных семей. Часть родичей получает подарки, так же как и хозяева, но последние сверх того делят «цену поля» (там же, стр. 18 и 32). При заключении сделки покупатель угощает всех участников ее со стороны продавца (в том числе родичей свидетелей), которые, принимая угощение, тем самым отказываются от претензий на передаваемую землю. Число таких участников угощений может доходить до 600 человек, т. е. включать целиком все народное собрание во главе с советом старейшин, члены которого почтены особыми подарками (там же, стр. 32 сл.).

Покупатель обычно один, в большинстве случаев — царь (там же, стр. 17 сл.), из чего можно заключить, что на данном этапе купля-продажа недвижимости скорее преследовала задачи политические, чем цель наживы⁴.

Для сколько-нибудь обстоятельного исследования относительно состояния домово́й общины в Вавилонии II тысячелетия до н. э. материалов слишком мало.

Точно таким же земельным фондом большесемейных общин в старовавилонский период было eqlum dūrum «вечное поле», которым не мог распоряжаться царь и владельцами которого были частные лица — члены общины, права которых, однако, отчасти ограничены их принадлежностью к большой семье: на это указывает ограничение права завещания рамками патриархальной семьи. П. Кошакер отмечает для этого времени существование термина ahhūtu «братство»⁵, «род» (KFHN, стр. 63) и

⁴ Ср. К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 610—611 (изд. 1951 г.).

⁵ В одном случае передача надела бездетного умершего его брату (с другим отчеством) оспаривается несколькими лицами (также с другими отчествами), которые ana ahhūtu qerbu, т. е. ближе по братству. Домашняя община в клинописных источниках, по наблюдениям P. Koschaker, Fratriarchat, Hausgemeinschaft und Mutterrecht in Keilschriftrecht, ZA, NF, VII, 1933 (далее сокращенно — KFHM), всюду дает следы фратриархата (KFHM, стр. 70), который практически сосуществует с патриархатом (KFHM, стр. 80). Сохранение домашней общины автор объясняет неделимостью имущества, необходимой потому, что основой хозяйства всюду является земля и переход ее к одному человеку означал бы гибель остальных — таким образом, по мнению П. Кошакера, во всех случаях речь идет только о порядке смены глав общины (KFHM, стр. 70). Исходным, тем не менее, он считает фратриархат, но не для всех стран, а только для Хайасы, Аррапки и Элама, где не находит никаких объяснений этому явлению, кроме предполагаемого этнического их единства (KFHM, стр. 89), о котором, как выяснилось позже, не может быть и речи. Переход к патриархату П. Кошакер объясняет упрощением права представления первородного сына старшего брата (KFHM, стр. 62 и др.), которое восходит к домово́й общине и постепенно распространяется на всех сыновей и домочадцев патриархальной семьи вообще (так и в статье P. Koschaker, Randnotizen zu neuen Keilschriftlichen Rechtsurkunden, ZA, NF, IX, 1936, стр. 196 сл.).

характерное для домово́й общины преимущественное право старшего сына в выборе наследственной доли (там же, стр. 62).

Подобно шумерской территориальной общине, хеттско-несийская *ḥarrīgas*⁶ имела самоуправление и общую собственность на землю⁷. Внутри *ḥarrīgas* подразделялась на домовые общины (*BĪTU*), главы которых имели в своем распоряжении систематически переделывавшийся земельный фонд *iwaḡi*⁸. Трудовая (*iuzzi*) и воинская (*sahḫan*) повинности закреплялись за этим фондом в целом, другими словами, домовая община была основной фискальной единицей. Воинскую повинность общины мог нести наемник, которому она выделяла часть своей земли⁹, причем дворец мог требовать любого вида возмещения этой повинности¹⁰ и мог даже отобрать эту долю в свой фонд¹¹.

Следующую ступень развития большесемейного землевладения рисуют материалы алалахских архивов XVIII и XV вв. до н. э.

Предварительно придется отойти от основной темы ради определения важного для нас специфического термина алалахских документов *ebiri*, который прочно вошел в научный обиход с аккадской этимологией, несмотря на то, что оба варианта его перевода как аккадского не дают достаточного смысла. Издавший эти документы Д. Дж. Вайзман по традиции, так же как сделал это его учитель С. Дж. Гэдд в первой публикации документов из Арпаххи (*RAss*, XXIII = G) в аналогичном контексте (G. 44), возводит *ebiri* к аккадскому *erīru* «прах, пыль», но за исходное берет не эти два засвидетельствованных значения, а более широкое «почва» и разъясняет, что в данном контексте это надо понимать «как территория, собственность»¹².

В рецензии на публикацию Д. Дж. Вайзмана (*JAOS*, 74, № 1), считая этимологию этого термина неудачной, Е. Шпейзер, как будет видно из дальнейшего, по чистому недоразумению продолжает считать термин аккадским, но возводит его к другому слову — *erḡi*, равноценному шумерскому *SE·BA*, что значит «зерновая выдача». Это *erḡi* употребляется, как правило, в хозяйственных документах и изредка в юридических в смысле «натуральное довольствие, содержание», а в математических текстах, которые привлекает Е. Шпейзер, в значении, близком к исходному, но несколько более абстрактном: «объем, емкость»¹³. Сопоставляя эти наблюдения с контекстами Алалаха, Е. Шпейзер обобщает: «отсюда масса земли вообще, недвижимость или подобное» (стр. 24), т. е. от дру-

⁶ «Поселение, город», термин хеттских законов XVI—XIV (?) веков до н. э.

⁷ См. И. М. Дьяконов, Комментарии к хеттским законам, ЗВАХ, II, стр. 286, прим. 1.

⁸ Стартевант дает этому термину два перевода: «доля отцовской недвижимости, отданная во время его жизни», и «приданое» (§ 27). По мнению же И. М. Дьяконова, в § 27 речь идет о том же наследственном фонде домашней общины, из которого могло выделяться приданое замужней дочери, которое затем становилось достоянием ее сыновей (ЗВАХ, II, стр. 287, прим. 2).

⁹ ЗВАХ, II, стр. 293, прим. 2.

¹⁰ ЗВАХ, II, стр. 293—294.

¹¹ Так в § 41, I. Речь идет не о царском, а о дворцовом, т. е. государственном (в противовес общинному), фонде. Сами документы обозначают их по-разному, поэтому я считаю необходимым всюду строго различать лично царские владения и государственный фонд.

¹² D. J. Wiseman, *The Alalakh Tablets*, L., 1953 (далее: AT), *Selected Vocabulary*, стр. 160.

¹³ А. А. Вайман дал мне следующую консультацию по математическим клинописным текстам, которыми он занимается: в селевкидских табличках (из них, очевидно, Е. Шпейзер и взял это значение) есть термин *erḡi* в смысле «емкость» (абстрагированном из заполнения сосуда при зерновой выдаче) и термин *erīru* в смысле «объем» (абстрагированном из заполнения земель дамбы или какой-нибудь аналогичной землеройной работы). Оба понятия подразумевают наличие трех измерений, а не двух (как в пространственном «территория»).

гого сопоставления делает натяжку для такого же перевода, как у Д. Дж. Вайзмана, — единственно приемлемого в контексте.

Но в таких сложных построениях вовсе нет необходимости, так как давно известен хурритский термин ew(i)ri, передающийся в клинописи именно как ebiri. Случаи передачи в клинописи хурритского w как b многократно упоминаются самим Е. Шпейзером в его «Введении в хурритский»¹⁴, а в § 21 даже специально иллюстрируются именно этим термином ewiri. Позже в 1935 г., комментируя новое издание документов из Аррапхи и ее крепости Нузы, Е. Шпейзер дал полную сводку контекстов для этого термина и привел все его толкования¹⁵.

П. Кошакер читал этот термин как ewigi и по контексту переводил «наследник». Е. Шпейзер объясняет нузийские вариации в написании среднего гласного слоговым характером клинописных знаков и считает, что нужно, по-видимому, читать без среднего гласного вообще, так как хурритское r является слогаобразующим. Е. Шпейзер полагает в этом своем комментарии, что документы из Аррапхи дают возможность сузить понятие ewgi до «наследник по договору» (в противоположность прямому, автоматическому наследованию). В Аррапхе термин во всех случаях применяется к усыновляемому, кроме одного текста, где наследует старший брат¹⁶. Е. Шпейзер отмечает это противоречие своему толкованию, но не объясняет его. Между тем, по существу, во всех случаях здесь идет речь в общем смысле о передаче наследственного права владения, и лучше всего подходит к контексту перевод ewgi как «хозяин, господин», в каковом значении этот термин сохранился и в урартском euri. В поздних митаннийских текстах ewgi значит только «царь» — здесь произошла та же трансформация, что и с шумерским LUGAL, которое также имело в ранних текстах значение только «хозяин», а в поздних только «царь»; больше того, первоначальное значение этого шумерского термина целиком совпадает с хурритским ewgi (см. выше).

Рассмотрим варианты в клинописной передаче образований от основы ewg-, встречающиеся в хеттских (см. выше), алалахских и аррапских архивах.

Что касается согласного w, то писцы Аррапхи, так же как и Алаха, передают его не только знаком P1, как в Вавилонии, но и знаком B1. Аналогичная передача зафиксирована и в словах, образованных от других основ¹⁷.

Гораздо сложнее вопрос о конечном гласном. Средний гласный бесспорно лишний, поэтому он и дает все три возможных варианта (обычно u или i, но иногда даже a)¹⁸. Учитывая данные хурритской грамматики, можно считать, что вариации в передаче конечного гласного имеют в виду не одну, как предполагалось раньше, а две разные грамматические формы, которые в хурритском имели совершенно разное значение:

¹⁴ E. A. Speiser, Introduction to Hurrian, AASOR, XX, 1941 (далее: SpIHu).

¹⁵ E. Speiser, Notes to Recently Published Nuzi Texts, JAOS, 55 (1935) № 4, стр. 432 сл. (далее: SpNotes).

¹⁶ Документ 392 в публикации Е. Chiera, Joint Expedition with the Iraq Museum at Nuzi, I—V, Paris — Philadelphia, 1927—1934 (далее: JEN).

¹⁷ Таковы варианты написания имен, собранных в издании I. Gelb, P. M. Purves, A. A. McRae, Nuzi Personal Names (далее: NPN), Chicago, 1943: A(r)-ru-um-ba, Ar-ru-ra, A-ru-u(m)-wa (стр. 205); Ga-wi-(na)-ni, Ga-bi-in-ni, Ga-bi-en-ni (стр. 224); Ki-ip-ge-wa-ar, Kip-ge-mar Kip-ge-bar (стр. 227); Na-aš-wi, Na-aš-bi (стр. 238); Wa-an-ti-še-en-ni, Ba-an-di-še-en-ni (стр. 256). Между прочим, в документе из Телль-Биллы № 4, в строке 4 известное хурритское имя Ewri-šarri передано как Ib-gi-šarri (JCS, VII, 4). Точно так же через bi передается термин ewti в Мари (ARM, I, 4, стк. 11 и 14), ошибочно переведенный в словаре как аккадское epiu.

¹⁸ В хеттских законах iwaru. Для Аррапхи iwar — см. NPN, стр. 211 и 217.

-i есть показатель активного, а -u — пассивного причастия; соответственно ewgi значит «владелец», а ewgu «владение».

Обе формы в Алалахе и в Аррапхе встречаются только в виде глосс или заимствований в аккадских текстах. Писцы Аррапхи знают этот термин в активной и пассивной форме, но обращаются с ним, как с аккадским именем, в результате чего оно лишается конечного гласного в status constructus — ew(u)g-šu ša N. ēruš, получает аккадское окончание родительного падежа -i, что ведет к совпадению пассивной и активной форм причастия — например, ana ew(i)ri синоним ana zitti (от zittu «наследственная доля»), и от него образуется аккадская абстрактная форма ew(u)rūtu.

Хеттские контексты фиксируют термин в одной только пассивной форме на -u (iwaru), которая обозначает объект владения, алалахские же документы XVIII века злоупотребляют формой на -i, не делая уже различия между активным и пассивным причастием.

В Алалахе употребление термина ewgi известно пока только в семи документах — один раз в судебном процессе о праве владения наследственной долей, на которую, как оказывается, истец не может претендовать (АТ, 455), затем в пяти документах отчуждения недвижимости и в одном завещании.

В АТ, 55, в заключительной формуле продажи правителю двух поселений за «полную цену»¹⁹ отмечается, что эти ew(i)ri «владения»²⁰ не подлежат обложению повинностями ilku и dikūtu (сткк. 7 и 12), которые будет нести третье поселение; если же эти две повинности все же будут востребованы с проданных поселений²¹, то отвечает по ним продавец. За нарушение условий сделки контрагент правителя лишается ewiri (e.-šu ittašši) — по-видимому, остальных (?). В стк. 20 этого документа вместо dikūtu употреблен термин ki-tum «постоянная повинность»; таким образом, очевидно, dikūtu противопоставляется ilku, считавшейся, видимо, по преимуществу чрезвычайной²². Повинности ilku и dikūtu идентичны хеттским luzzi и saḥḥan. По saḥḥan (=ilku) хеттское государство могло требовать любого вида работы (см. выше). Очевидно, именно поэтому и в Алалахе термин ilku был наиболее широким понятием, фактически поглощавшим dikūtu, вследствие чего последний встречается крайне редко.

В АТ, 56 ew(i)ri упоминается в начале и в конце документа: продаются за полную цену три поселения с их округами, в числе которых ew(i)ri «владения» пяти поименованных поселений и, кроме того, покупатель может выбрать и взять себе ew(i)ri продавца, там, где оно окажется, — формула обычная и для передач из ассирийских переделываемых земель. За все это покупатель, кроме платы натурой, дает продавцу поле в своем

¹⁹ Эта часть формулы, по-видимому, так же как и в среднеассирийских документах, отражает происхождение купчих из залоговых документов: в Ассирии XIV века залог подлежал изъятию в пользу кредитора, когда размеры долга нарастали на общую сумму до «полной цены» залога или заложника, а должник оказывался неплатежеспособным и не имел поручителя, бравшего на себя ответственность за дополнительную отсрочку платежа.

²⁰ В Алалахе старейшины продают нераздельный фонд некоторых домовых общин полностью, очевидно, сгоняя их население на урезанные участки в другие места. См. ниже АТ, 56, 76—77 и стр. 42 о разнице в размерах владений домовых общин Алалаха XV века.

²¹ Если предположить, как это делает М. Л. Гельцер (ВДИ, 1956, № 2, стр. 16, 19 и 24; 1956, № 3, стр. 34), что граждане были обязаны нести повинности в пользу царя, а не государства, то этот случай гарантии покупателя (правителя) от востребования повинности им же самим, с собственных имений, остается необъяснимым.

²² Так толкует их Е. Шпейзер в рецензии на издание алалахских документов (JAOS, 74, № 1, стр. 24).

поселении, которое тот возьмет, но не может выбирать ²³. В случае нарушения сделки покупатель теряет деньги и будет изгнан (очевидно, из общины, в которой приобрел землю), а продавец теряет свое ew(i)ri и будет изгнан (по-видимому, из того поселения, где покупатель дал ему поле). Эти оговорки, видимо, имели целью пресечь действие обычного права, в разрез с которым совершались подобные сделки.

АТ, 58 — продажа за полную цену поселения с оговоркой в конце, что это ew(i)ri не имеет отношения к ew(i)ri Алалаха, а принадлежит другой стране, и на будущее время правитель Алалаха ничего не будет иметь от этого ew(i)ri ²⁴. В АТ, 76—77 царь Аббан отдает за полную цену поселение Дибат вместо ew(i)ri поселения Иливе и поселение Тунид вместо ew(u)ri (так!) какого-то поля в поселении Тадунди ²⁵.

Во всех перечисленных случаях ew(i)ri — это владения граждан, которые они продают, причем покупателями выступают либо правители Алалаха, либо дворцовые должностные лица, следовательно, ew(i)ri были расположены на землях, не входивших в фонд государственных земель. Однако, как видно из АТ, 58, земли ew(i)ri обычно были обложены повинностями в пользу государства.

В одном случае ew(i)ri упоминается в завещании правителя Алалаха (АТ, 6): Аммитаку передает своему сыну дом, ew(i)ri каждого своего поселения и свое имущество. В конце документа Аммитаку подтверждает: «другого наследника (arlu) нет, и этот сын — хозяин (bēlu) моего поселения и моего дома». Очевидно, здесь под общим термином «поселение» (ālu) подразумевается совокупность ewru, наследственных долей в территориальной общине, а под термином «дом» — весь живой и мертвый инвентарь, включая чад и домочадцев. В АТ, 95 в сильно фрагментированном контексте утверждается право Аммитаку на владение наследственной долей (zittu) и между больших лакун упоминаются разные поселения вместе с их ew(i)ri.

Ни в одном из этих документов нет указаний ни на размеры передаваемых земель ew(i)ri, ни на их пограничные ориентиры — верный признак того, что речь идет о передаче права владения в систематически переделываемом фонде. Кроме того, из всех перечисленных контекстов можно сделать вывод, что эти сделки касаются земель вне самих поселений, что эти периодически переделываемые угодья передавались по наследству и подлежали обложению повинностями. Но даже такой вид земельных отношений, как и всюду, не был препятствием для индивидуализации и концентрации земельных владений.

Все упоминания ew(i)ri в алалахских документах относятся к XVIII в., т. е. к тому времени, когда по общему признанию Алалах уже был до какой-то степени хурритским по этническому составу, — и совершенно не появляются в документах XV века, когда Алалах стал преимущественно хурритским. Может быть, именно это кажущееся противоречие и было основной причиной того, что никто не пытался дать этому термину хурритскую этимологию.

Вместе с ew(i)ri из алалахских документов в XV в. исчез другой термин, а именно andurāgu (освобождение) — термин, обычный при общинном землевладении, практикующем периодические земельные переделы ²⁶, которые

²³ Отсюда видно, что продавец не получает всех прав члена данной общины.

²⁴ У хеттов государственные повинности лежали именно на iwaḡu. Здесь правитель выступает не как частный владелец, а как представитель государства.

²⁵ Обмены землями, очевидно, так же как в Аррапхе, преследуют здесь цель территориальной концентрации земель, так как появляются одновременно с возникновением практики залога и продажи полей. См. также выше прим. 20.

²⁶ См. И. М. Дьяконов, Развитие земельных отношений в Ассирии, Л., 1949 (далее: РЗОА), стр. 23, прим. 7.

сопровождались мораторием долгов или, по крайней мере, освобождением заложников.

По трем документам XVIII века (АТ, 29—31) правитель Алалаха выкупает должников у их кредиторов: одного из них вместе с семьей, — с тем условием, что долг будет считаться беспроцентным, но зато должник под периодический мораторий не подпадет (букв. не освобождается — *ül ittarrar*)²⁷. В Алалахе XVIII века беспроцентные бессрочные ссуды всегда выдаются под залог личности (АТ, 18—24; 26—28; 36; 41; 43—44) самого должника, а иногда и всей его семьи. В случае побега или гибели заложника его замещают родственники (АТ, 23). Очевидно, и в упомянутых трех сделках (АТ, 29—31) новый кредитор получает заложников, которых держал в своем доме предыдущий кредитор. Таким образом, речь идет о том, что эти заложники не освободятся от работы в доме кредитора до тех пор, пока долг не будет возвращен.

При беспроцентном займе обязанность должников работать на кредитора до возврата долга разумелась сама собой и заменяла собой процент. Так, по документу АТ, 42 целое поселение берет под круговую поруку в долг зерно, без срока и без процента, при условии, что людям этого поселения не будет «освобождения». В конце приписка — всякий, кто выделится из поселения, обязан вернуть зерно с процентами, очевидно, потому, что таким образом он перестает участвовать в отработке вместе с другими.

Отпущение заложника по *andurāru* (здесь — *andarāru*) для алалахских кредиторов было, несомненно, вполне реальной угрозой. Даже в документе продажи (!) некоей Угайя в конце есть оговорка, что «в освобождение она отпущена не будет» (*ina andarārim ü! inandar* — АТ, 65). Возможно, что право заложника-гражданина на освобождение в течение относительно небольшого срока было здесь так же узаконено, как в Вавилонии синхронного периода (ЗХ, § 117)²⁸.

Впоследствии в I тысячелетии до н. э. система *andurāru* трансформировалась настолько, что этот термин стал синонимом *zakūtu* «свобода», т. е. иммунитета, предоставляемого царем наиболее важным в политическом отношении торгово-ремесленным центрам.

Таким образом, если во II тысячелетии до н. э. «освобождение» до какой-то степени уравнивало имущественное положение граждан, возвращая должников к их *status quo*, то в I тысячелетии иммунитетные грамоты приводили фактически к тому, что наиболее сильные налогоплательщики выбывали из общегосударственной системы поборов и соответственно повышались нормы обложения остальных граждан.

В середине II тысячелетия до н. э. ни в Алалахе, ни в Аррапхе, ни тем более в Ассирии XIV—XIII веков до н. э. *andurāru* систематически уже не проводилось.

Домовая община в Алалахе XV века до н. э. продолжает оставаться основной фискальной единицей: армейское снаряжение выдается призывникам не поименно, а по их принадлежности к «домам», так же ведется и перепись воинов. Однако иногда вдруг всплывает деление воинских

²⁷ Е. Шпейзер считает эту формулу идентичной формуле беспроцентных займов XV века до н. э. — *igra lā išū* (№ 47 и 49—50), хотя в буквальном смысле эта фраза означает «наемника не имеет» (или «не должен иметь»), — и толкует эту формулу как гарантию должника от произвола кредитора, который тем самым лишается права отдавать должника в наем. Мне кажется, напротив того, бесспорным, что эта формула является оговоркой в пользу кредитора, так как сравнение со староассирийскими документами раскрывает смысл выражения «наемника не имеет». В староассирийских документах должник (по соглашению с кредитором) имеет право оплачивать наемника, которого кредитор обязан принять вместо заложника (ТСЛ, III, 246 А), а в Алалахе должник этого права лишен.

²⁸ Ср. Deuteronom., 15, 1—4; 8—14 и Lev., 25, 8—13; 22—24 (VII—V вв. до н. э.).

контингентов по «жребиям» (*pūru*), которые не упоминаются ни в купчих, ни в залоговых на землю, очевидно, потому, что размеры «жребия» намного превосходили размеры владений большесемейных общин, выступающих субъектами таких сделок. Документ АТ, 190 перечисляет 42 дома (общины) поля «жребия» (одного!). АТ, 194 в итоге насчитывает 70 домов (общин!) «жребия». Еще многочисленнее население «жребия», наделенное, по-видимому, только приусадебными участками: здесь один «жребий» включает до 670 домовых общин (АТ, 226)²⁹.

Опираясь на тот факт, что «жребии» упоминаются только в воинских списках, М. Л. Гельцер предполагает, что речь идет в данном случае о повинностном землевладении на царской земле, и реконструирует три части царского земельного фонда: земли царского хозяйства, царских селений и повинностные земли. Царские поселения, на упоминание которых ссылается автор³⁰, в обоих приведенных им текстах (АТ, 186 и 187) — это всего только условная реконструкция издателя. Для первого из этих документов сам Вайзман считает такой перевод конца строки спорным и дает его под вопросом³¹, так как от слова «царь» (*šaḡ-ru*) сохранилась едва половина первого знака, а второй знак (если он там был) целиком сбит. Что же касается документа АТ, 187, то там вообще нет слова «царь» — оно постулируется в лакуне по аналогии с предыдущим текстом, чтение которого было сомнительно даже для человека, державшего документ в руках. Таким образом, на этих контекстах без нового просмотра самих табличек нельзя строить общие заключения.

Общепринятые представления о повинностном землевладении на дворцовых (т. е. государственных, а не лично царских!) землях в Алалахе, по-моему, в сильной степени преувеличены. Любая из упоминаемых в дворцовых архивах категорий воинов, кроме *muškēnu*³², вполне может оказаться при ближайшем рассмотрении определенной категорией общинников, имущественная дифференциация среди которых не могла не повлечь за собой сложной системы градаций в гражданских правах, как можно убедиться на примере синхронной Аррапхи. Кстати сказать, там, точно так же как в Алалахе, в списках воинов фигурируют более крупные земельные единицы, чем те, что упоминаются в купчих и залоговых документах, в частности, «братства», которые по юридическим документам представляются уже распавшимися на патриархальные семьи, ведущие по большей части отдельные хозяйства.

В Аррапхе во время военных сборов общинники из разных поселений сходились в военную крепость страны, здесь их переписывали и до

²⁹ По всей видимости, речь здесь идет о поселениях местной бедноты, которая была вытеснена в результате долговой кабалы со своих земель, но сохранила личную свободу. В составе их упомянуты *ḥarīru*, о которых в результате дискуссии специалистов Ж. Боттеро дает следующее сводное заключение, предложенное им самим. Б. Ландсбергером, Ю. Леви и А. Альтом: «Чужестранец, покинувший свою страну и перешедший ее границу; беглец без роду, без племени, оторванный от общества, изгой, не имеющий мстителя, находящийся в поисках новых средств к существованию, так как потерял свое место в старом порядке вещей и вынужден бежать под защиту новой страны». Это определение охватывает значение всех известных для *ḥarīru* контекстов см. J. Bottero, Le problème de *ḥarīru*, «Cahiers de la Société Asiatique», XII, 1954. Напиру тысячами скитаются по всей Передней Азии в середине II тысячелетия.

³⁰ М. Л. Гельцер, Новые тексты из древнего Алаха и их значение для социально-экономической истории древнего Востока, ВДИ, 1956, № 1, стр. 22, прим. 5. Кстати сказать, на этой же странице в прим. 4 М. Л. Гельцер приводит текст, в котором ясно показано, что речь идет о дворцовой, а не о царской земле.

³¹ См. данный Вайзманом перевод этого документа в АТ, стр. 73 в сделанную им же прорисовку клинописного текста в статье D. J. Wiseman, Supplementary Copies of Alalakh Tablets, JCS, VIII, 1954, № 1, стр. 12.

³² Об этой категории см. И. М. Дьяконов, *Muškenum* и повинностное землевладение..., «Eos», XLVIII, № 1, стр. 37 сл.

отправки в поход размещали слева и справа от дворца в прилегающих кварталах ³³. При этом, точно так же как в Алалахе, отмечалось, кто прибыл и кто не явился, кто отправлен в войско и кто нет, и почему. Проверяют состояние вооружения и панцирей, наличие лошадей для конницы и колесничих, кормят лошадей, если они пригнаны вместе с мобилизованными. Таким образом, документы этого типа решительно никакого отношения к землевладению на дворцовой земле не имеют. Речь идет лишь о формировании частей и распределении их; само собой разумеется, что воинов содержат на общественный счет, т. е. кормят за счет систематических поборов с них же. Дворцовый фонд в Аррапхе отнюдь не был лично царским хозяйством, которое существовало отдельно и само по себе. В Аррапхе царское семейство получало под расписку (!) только содержание и шерсть на одежду, как все прочие служащие дворцового хозяйства, вероятно, только на правах семьи полководца, каковым здесь являлся царь. Лошадей царя кормили за счет дворцового хозяйства, пока царь пребывал в войске, очевидно, с тем, чтобы отослать их ему в случае надобности. Там же, в общественных конюшнях, содержали и лошадей других граждан. Лошади эти продолжали быть собственностью своих хозяев, имена которых постоянно отмечаются.

Землевладение Аррапхи архаичнее синхронного алалахского. Все земли Аррапхи ³⁴, втянутые в оборот, принадлежали домовым общинам (*dimtu*) и по нормам обычного права могли переходить только к ближайшему родичу по мужской линии; поэтому все документы купли-продажи недвижимости оформляются только через усыновление покупателя или принятие его в братья.

Здесь, как и в Шумере, «ценой земли», как и любого другого продаваемого имущества, очевидно, распоряжался только глава домовой общины. Плату за недвижимость никогда поэтому не называют «ценой», а только «подарком». Тем самым любой член семьи, продающий свой надел, получает возможность пользоваться этой платой единолично, никто не имеет права претендовать на персональный подарок.

В интересах сохранения фондов недвижимости за отцовской общиной женщины, как правило, исключались из числа наследников, поскольку передача земли женщине была сопряжена с риском утраты надела в случае выхода ее замуж. Обычно жена входила в домовую общину мужа, если же изредка бывало наоборот, то принятие жениха в домовую общину невесты сопровождалось его усыновлением. Основой организации такой домовой общины была одна большая патриархальная семья, но иногда и в юридических документах встречаются упоминания объединения патриархальных семей, главы которых называют друг друга братьями, хотя действительное родство их может быть самых различных степеней (FHM, стр. 71). По всей видимости, только такое объединение и носило вначале название *dimtu*, в отличие от отдельной патриархальной семьи, которую называют и здесь *bitu* (дом).

В двух передачах наделов на два года из земель *dimtu* (HSS, IX, 105 и 97) имеется оговорка относительно права и вместе с тем обязанности должника: «если поле больше — он не урежет, если поле меньше — он не прибавит» ³⁵, т. е., очевидно, по систематическим переделам зе-

³³ HSS, XV, SMN, 2210; 2204; 2039 + 2238 и др.

³⁴ Все нижеследующее относительно землевладения в Аррапхе представляет собой развитие положений предыдущей работы автора (см. Н. Б. Я н к о в с к а я, Хурритская Аррапха, ВДИ, 1957, № 1).

³⁵ Для мер длины существовал специальный эталон — «медный локоть дворца», находившийся у стражи городских ворот, где размещался рынок. Любопытно, что обмер по окружности встречается один раз (SMN, 619, издан в HSS, XIV): Пухишениа, сын Башийа, берет займы у Пурнапу 15 мин олова и 15 имеров ячменя сроком на

мельных фондов этой общины размер надела, полагающегося должнику, мог изменяться даже в течение такого относительно короткого срока. Из этого можно заключить, что практиковался, по-видимому, ежегодный передел земли между всеми патриархальными семьями *dimtu*. По всей вероятности, именно в связи с этим обстоятельством судебные процессы относительно передачи недвижимости возникали, как правило, уже в следующем после контрагентов поколении. О том же свидетельствуют материалы двух судебных процессов, судя по которым заложенное поле обрабатывают родичи должника, и никаких возражений это ни у кого не вызывает. В одном случае иск подан потому, что в течение трех лет должник не отдавал кредитору причитающийся ему урожай с заложенного поля (обрабатывал его брат должника); урожай и был взыскан решением суда (с семи имеров поля, заложенного за 22 мины олова и 2 овцы, причитается за три года 21 имер ячменя и 21 вязанка соломы — JEN, 340). Должник счел за лучшее рассчитаться с кредитором полностью, передав ему в счет покрытия суммы, подлежащей выплате по приговору суда, и старого долга, свою рабыню (JEN, 111). В другом случае брат должника заявляет в суд о прекращении платежей по долгу, который считает погашенным (AASOR, XVI, 69).

Хотя и по суду выигрывает всегда потомство кредитора, но во избежание судебной волокиты каждый документ передачи недвижимости имеет специальную формулу, запрещающую подачу иска, обязывающую должника отвечать перед истцами (очевидно, из родичей) и обеспечить кредитору если не этот, то равноценный надел. Тем не менее, исковые претензии все-таки имеются. Иногда даже составлялся специальный документ, фиксирующий отказ сторон от вчинения иска. Так, Иннику и Акашени, сыновья Шимикатала, обязуются по поводу проданных полей и домов их отца не подавать в суд на некоего Хуа, который приобрел эту их недвижимость, на его сыновей и сыновей его сыновей под угрозой астрономически высокого штрафа (10 мин серебра и 10 мин золота); впрочем, покупатель, против обыкновения, обязуется не требовать с них выполнения трудовой повинности, связанной с их полями и домами, под угрозой точно такого же штрафа (AASOR, XVI, 59).

Домовая община Аррапхи иногда носит название по имени родоначальника — представителя самого первого поколения из зафиксированных архивами или, чаще, по именам доархивного периода. Следовательно, большинство общин старше XV в. Домовая община здесь также основная организация внутри территориальной общины (*ālu*). В состав *dimtu*, кроме построек, входят поля, другие *dimtu*, очевидно, выделившиеся, и отдельные *ālu*, вероятно, мелкие поселения, которые, так же как и *dimtu*, оказываются за пределами больших *ālu*, состоящих из сплошных застроек городского типа. Наделы на территории *uḡār*³⁶ *dimti* были таких же размеров, как и на территории *uḡār āli*, — по-видимому, запасной земли территориальной общины.

Среди крупнейших скупщиков земли мы видим коменданта (*ḫal-ṣuḫlu*³⁷) крепости Нуза Техиптиллу, сына Пухишени (AASOR, XVI,

4 года под залог поля в поселении Шипае размером в 1020 (локтей) по окружности. Несмотря на столь, казалось бы, точное определение размеров надела, все-таки и здесь есть формула, обязывающая должника не урезать, если окажется больше, и не прибавлять, если окажется меньше; в некоторых случаях это условие уточнено — не менять границ поля. Другими словами, заложенное поле изымается из периодических переделов. Общепринятое предположение о том, что здесь речь идет о могущих возникнуть уточнениях при обмере «дворцовым локтем», кажется мне неубедительным.

³⁶ Территория посевных полей.

³⁷ Хурритизованная форма от аккадского *ḫalṣu* «крепость».

17). Комендант играл ведущую роль в совете Нузы и, очевидно, использовал свое служебное положение в целях обогащения. Интересно, что имя Техиптиллы в связи с его земельными операциями особо упоминается одной датировочной формулой наряду с именем *хазанну* (начальника города) Кушшихарбе, который обязан был блюсти порядок на территории Нузы и ее окрестностей, а вместо того прославился на всю страну безудержным злоупотреблением своей властью (AASOR, XVI, 1—14).

Для истории развития поземельных отношений в Аррапхе чрезвычайно ценные сведения дают архивные материалы, по которым можно проследить концентрацию земельных владений одной из наиболее известных домовых общин Аррапхи (*dimtu* Катири), глава которой Аккуйя, сын Катири, был современником Пухишени, отца Техиптиллы.

Современник Техиптиллы, Зике, сын Аккуйи, скупает и выкупает заложенные и перезаложенные родовые владения, конечно, не забывая при этом о собственной выгоде, так как эти земли, очевидно, остаются в его личном распоряжении. Так, Зике и его дядя Карирум возвращают надел, ушедший из их общины (*dimtu* Катири), что видно из приписки в конце документа: «а поле это принадлежит Карируму: Утхашенни (их контрагент в этой сделке) держал (его) за серебро, и когда Карирум серебро Утхашенни вернет (своему племяннику), то поле свое сможет взять» (HSS, IX, 118). Таким образом, Зике, по существу, заступает место постороннего кредитора: отбирает у дяди залог, но долга не погашает. Возможно, что именно это самое поле (размер совпадает — 2 имера) по другому документу (более раннему) отец Зике, Аккуйя, получил от своего брата на 3 года за 2 таланта меди (HSS, V, 84). Аккуйя заранее договаривается, что в случае, если это поле окажется объектом взыскания каких-нибудь долгов, Карирум отдаст ему свое соседнее поле. Дважды имя Карирума встречается среди свидетелей сделок его брата Аккуйи: при залоге ему Эхельтешупом, сыном Пухиа, 1 имера поля, расположенного в *dimtu* Катири, за 3 имера ячменя, 2 имера полбы и 2 овцы, сроком на 5 лет (HSS, V, 90), и при сделке псевдоусыновления его неким Аррасу, сыном Зилипатала, который, таким образом, отдает ему орошаемое поле в 6 имеров, расположенное в *dimtu* Бэли, за 8 овец (HSS, IX, 113).

Судя по тому, что земли Эхельтешупа были расположены в *dimtu* Катири, он был родичем Аккуйи, но, по-видимому, недостаточно близким, чтобы иметь право передать ему недвижимость, не прибегнув к судебному подтверждению. Для судей же права кредитора были превыше прав прямых наследников. Когда позже Эхельтешуп не смог вернуть Аккуйе ссуду, он вынужден был усыновить Зике, сына Аккуйи, передав ему все свои поля, дома, «все от трудов своих» и всех своих ремесленников с единственным условием: после смерти Эхельтешупа уступить главную долю (связанную с отправлением культа) первородному сыну Эхельтешупа, если таковой вырастет, если же не будет этого сына, то хозяином домовой общины будет Зике. Эхельтешуп обещает никого не усыновлять из посторонних. За все это Зике обязан пожизненно заботиться об Эхельтешупе и одевать его (HSS, V, 60). Эти документы свидетельствуют, таким образом, о сложном пути имущественной дифференциации внутри домовой общины.

Через два поколения домовая община Катири становится еще более неоднородной. Так, Таитилла, сын Нахийи, передал в антихрезу кредитору часть своей земли, расположенной в *dimtu* Аккуйя³⁸, за 10 имеров ячменя сроком на 4 года (HSS, V, 88) и, кроме того, взял у Бираззини, сына Паитиллы, 2 имера ячменя с тем, что вернет половину ссуды из ближайшего урожая, а другая половина ссуды будет считаться наемной

³⁸ *dimtu* Катири ранних текстов.

платой за изготовление штуки ткани к тому же сроку, с условием в случае невыполнения заказа в срок уплатить в виде штрафа 2 овцы (HSS, V, 6). Свои обязательства Таитилла не выполнил, очевидно, в связи с внезапной тяжелой болезнью, так как по его долгам рассчитывается сын его, Зике³⁹. Бираззина согласился принять от последнего в погашение долга 12 мин олова (AASOR, XVI, 94), которые Зике раздобыл у своего родственника Акаватила, сына Элли, под уговор, что будет работать в доме Акаватила до тех пор, пока не сделает Акаватила (очевидно, после смерти отца) главой домовой общины (*immatīma ewur-šu ēruš*, см. выше), обязуясь, кроме того, за каждый пропущенный на работе у Акаватила день выдавать по 10 ка ячменя и в случае нарушения условий сделки отдать в виде штрафа своего вола (HSS, V, 40). До этого Зике был заложником в доме другого кредитора (ему, очевидно, также задолжал еще отец Зике) — Таэ, сына Пухиа, которому он должен был отдать 36 овец; Зике был освобожден под поручительство Акаватила, сына Элли (HSS, V, 19), который сделал Зике своим батраком. Судя по договору с Акаватилом, главенство в домовой общине Катири в пятом поколении должно было перейти именно к Зике, сыну Таитиллы, хотя его отец и был неудачником. Роль главы домовой общины, очевидно, имела еще значение, иначе Акаватил не стал бы добиваться этих прав.

Любопытно, что термин *ewrī*, означающий в Аррапхе главенство в домовой общине, встречается здесь в отличие от хеттских контекстов только в связи с распоряжениями на период после смерти главы семьи. Вероятно, это объясняется сохранением культа домашних богов, который отправлялся главой домовой общины. Совместное обеспечение этого культа могло продолжаться и после раздела хозяйства между патриархальными семьями, впрочем, неокончательного, так как передель части земель происходили регулярно.

По одной бессрочной ссуде приведена следующая оговорка: если должник, отрабатывающий проценты займа в доме кредитора, умрет, не выплатив основной суммы, то кредитор в возмещение ее будет объявлен хозяином домовой общины должника (*ewur-šu ēruš* — G. 10).

По договору G. 51 кредитор Вуллу, сын Пухишени⁴⁰, пожизненно кормит и одевает своего должника (дает ему *erri* и *lubuštu*) с тем, что после смерти его Вуллу станет главой домовой общины (*ewirumma ēruš*)⁴¹, но с оговоркой: если к тому времени вырастет родной сын должника, способный обслуживать культ домашних богов и предков, то этот родной сын получит первую долю наследства, т. е. будет главой общины, если же такового не окажется, то хозяином будет Вуллу. В сходном по условиям договоре HSS, V, 67 та же оговорка.

Запись судебного процесса AASOR, XVI, 38 посвящена установлению факта посмертной передачи главенства в домовой общине (*ewurri*) брату покойного. На этом основании судьи принуждают нового хозяина общины нести все долговые обязательства умершего. Из этого следует, что главенство в домовой общине имело свою оборотную сторону. Однако крупный кредитор мог обратить в свою пользу даже обязанность платить чужие долги — такие услуги даже между родственниками оформлялись долговой распиской, дающей право взыскать долг через суд любой ценой вплоть до изъятия имущества и продажи в рабство всей семьи.

Большинство владений большесемейных общин Аррапхи идет на ущерб.

³⁹ Тезка сына Аккуйи.

⁴⁰ Брат знаменитого скупщика земель Техиптиллы (см. выше).

⁴¹ Именно так, а не «совершит погребальный обряд», как читал С. Дж. Гэдд в комментарии к изданию этих документов (RAss, XXIII, 1926).

Формально во всех без исключения случаях даже проданный надел остается в прежнем *dimtu*, так как покупатель может получить право владения, только став членом общины. Борясь с этим, некоторые разрастающиеся *dimtu* знатных родов концентрируют путем обмена свои земли, территориально превращая их в сплоченные имения, организованные, впрочем, по образцу домовых общин с ограниченным правом распоряжения недвижимостью даже для главы дома: завещания на недвижимость признаются только в рамках патриархальной семьи.

Если должников, членов разных *dimtu*, наберется по документам до двух тысяч, то кредиторов едва насчитается сотня человек, принадлежащих примерно к пяти родам в четырех-пяти поколениях; к тому же эти роды были связаны между собой свойством, и члены их занимали, так же как в Алалахе, административные должности в судебных и хозяйственных органах страны или имели связи с царским домом.

По одному этому уже можно заключить, что государство не было заинтересовано в том, чтобы мешать концентрации земель. Больше того, все сделки на недвижимость имели законное основание, так как подтверждались судебным порядком, и исполнение их условий гарантировалось очень высоким штрафом. Отражалось ли это губительно на выполнении общинниками их обязанностей? Нисколько, — все повинности по-прежнему распределялись между всеми членами домовой общины, включая адоптантов, судя по тому, что закрепление повинностей за одной из сторон, участвующей в сделке, встречается только в виде исключения, и на такой случай документ имеет специальную оговорку. Разумеется само собой, что реже всего повинности перекладываются на одного покупателя, и в таких случаях у приобретающего недвижимость были на то особые основания. Так, упоминавшийся уже Зике, сын Аккуйи (внук Катири), приобретает у Нахишшаму, сына главы их рода (NPN, 176), старшего брата Аккуйи, их общее родовое жилище (HSS, V, 58), которое по обычаю доставалось в наследство хозяину домовой общины. Естественно, что при таких обстоятельствах долговые обязательства, которые могут возникнуть относительно этой постройки, и повинности покупатель в виде исключения берет на себя.

При такой системе распределения обязанностей в общине следует ожидать протестов скорее со стороны родичей продавцов, семейные владения которых урезаются, а обязанности остаются прежними. Возможность такого иска в будущем обычно предусматривалась заранее и аннулировалась тем, что в состав свидетелей вводили родственников продавца, тем самым отрекавшихся от своих прав. В некоторых сделках, по-видимому, касающихся интересов более крупной объединенной общины, а не одной патриархальной семьи, в числе свидетелей появляется несколько лиц, обозначенных как *mušelwū* «заставляющие окружать» поле, под наблюдением которых отчуждаемые наделы огораживались и тем самым исключались из передела.

Э. Лейчмен нашел в архивах Аррапхи, что межи некоторых полей имели не только временные пограничные столбики (*kudurru* «деревянные межевые знаки» или *sikkatu* «колышки»), но иногда обносились даже глинобитной стеной (*igāru*)⁴².

Возможно, что *dimtu* Аррапхи, если бы эту страну не разгромили ассирийцы, в конечном счете стала бы точно такой же организацией, как *dunnu* «усадебная» Ассирии XIV—XIII веков до н. э., известная в отличие от *dimtu* Аррапхи только как концентрированное имение богатых родов.

⁴² См. R. S t a r r, Nuzi, I, Cambridge, 1937, Appendix D, стр. 533, прим. 47.

Среднеассирийское землевладение достаточно рассмотрено в монографии И. М. Дьяконова. Автор реконструирует общину XIV в. до н. э. следующим образом. Каждое поселение (*ālu*) имело свой совет старейшин во главе с администратором *ḥazannu*. Территория общины делилась на собственно поселение (*ālu, qabal āle*), возделываемую площадь (*uḡār āle*) вне поселения и запасную землю (*qaqqar āle* или *kutallu* «задняя земля», «пустошь»). Земельная территория всей общины обводилась «большой межой товарищей» (однообщинников), внутри которой имелись жребии (*rūgu*) и в них обведенные малыми межами участки «больших семей» (РЗОА, стр. 44 сл.).

Исходя из формулы «выберет-возьмет», сопровождающей отчуждение земельных наделов, границы которых не указываются, И. М. Дьяконов предполагает практику систематических переделов «по крайней мере теоретически» существовавшей (стр. 46).

Из дальнейшего изложения выясняется, что автор видит препятствие для окончательного определения местонахождения участка только в том, что община могла запретить отчуждение надела, владелец которого мог мешать использованию общественных сооружений (общинного гумна, колодца, арыка и пр. или дороги — там же, стр. 46).

Мне кажется, что гарантии общинных интересов в целом едва ли могли обеспечиваться при составлении каждого отдельного документа, имеющего в виду смену владельца земли; естественнее предположить, что любой владелец любого надела обязан был подчиняться общим установлениям тех мест, где приобретал недвижимость, точно так же, как исконный владелец этого надела. Скорее неопределенность границ отчуждаемого надела все же объясняется сохранением практики систематических переделов.

Отчуждение земель граждански полноправному лицу означало для территориальной общины лишь смену владельца, и если даже она имела право запретить сделку, то правом этим не пользовалась ни в одной из рассмотренных стран.

Тот факт, что покупатель может быть отослан выбирать из запасной земли общины, свидетельствует, по-моему, о сокращении систематических переделов обрабатываемых земель и сохранении передела пустоши (там же, стр. 48).

Очень важно для сравнительного анализа рассматриваемых архивов вполне доказанное утверждение И. М. Дьяконова о том, что приобретавший землю в Ассирии становился членом данной территориальной общины (там же), но на этом этапе уже не входил в состав «большой семьи» (домовой общины), чем среднеассирийская практика отличается от более архаичной картины, рисуемой документами из Аррапхи.

Существенно также отмечаемое автором, начиная со среднеассирийского периода, наименование города *Ашшура āl libbi āle* «поселение внутри общины», восходящее к периоду обособления города от сельской округи (там же).

Одним из результатов распада домовых общин было появление мелких индивидуальных владений, а вовлечение земельных участков в оборот приводило к вынужденной чересполосице, которую не всегда можно было ликвидировать обменом. Семьи ростовщиков Иддинкубэ и Кидинадада оказываются владельцами наделов в разных общинах, так же как стяжатели общинных земель во всех прочих рассматриваемых странах.

Наряду с продажей отдельных полей среднеассирийские документы фиксируют продажу целых усадеб (*dunnu*), с полем, домом, гумном,

садом и колодезем. Размер таких участков от 10 *ику* до 100 *ику*, но изредка встречаются здесь и более мелкие участки (по 3 *ику*). П. Кошакер связывал термин *dunnu* по содержанию с термином *dimtu* Аррапхи; с этим можно согласиться, если не забывать, что домовая община этих двух стран представляет, несомненно, две разные ступени развития.

С другой стороны, стремительное развитие ассирийской экономики за счет посреднической торговли способствовало консервированию некоторых особенностей общинного землевладения, которые были изжиты в Аррапхе XV века, т. е. на полтора-два столетия раньше, стертые более постепенным развитием этой страны. К числу таких особенностей можно отнести практику систематических переделов земель всей общины в целом, включая пустошь, между тем как в Аррапхе передел сохранился, по всей видимости, только в пределах большесемейных участков, правда, зато значительно более крупных, чем ассирийские владения домовых общин.

Даже если *dunnu* того же происхождения, что и *dimtu* Аррапхи, то все-таки между ними есть существенная разница, в частности заключающаяся в том, что в Ассирии *dunnu* — концентрированное имение, обычно не переделявшееся (там же, стр. 52).

Собственно домовая община в Ассирии называется *bitu*. Так, Заммуа, Буршарри и Кубеэреш, сыновья Белиа, родоначальника одной такой семьи, имели каждый отдельное хозяйство в пределах семейного владения. Заммуа обменял «большой открытый двор» на «бесплодную землю» брата, на которой имелся *al dunne* третьего брата и другое имущество братьев, но все это считалось «домом» Заммуа, очевидно, старшего из них (там же, стр. 53 сл.). Дальнейшая судьба владений этой семьи совершенно аналогична тому, что мы уже наблюдали в Аррапхе на примере *dimtu* Катири. Земли постепенно уже в следующем поколении уплывают в руки соседней семьи, дома Ахутаба и ростовщика Ришнабиу⁴³, скупающего участки разных семей (там же, стр. 54).

По-видимому, полную аналогию «дворцовой зерновой общине» (*dimtu ša ēkalli ša šē'i*) Аррапхи мы имеем в среднеассирийской «дворцовой доле с ее зерном» (*zittu ēkalle adi šē'i ša*), входившей в состав владений домовых общин, в частности, упомянутого выше одного из сыновей Бэлиа, Буршарри (там же, стр. 55). Явление не очень распространенное, но и не единичное. Оба вида дворцовых земель встречаются в документах три-четыре раза.

В Ассирии эту долю обрабатывают члены домовых общин в пользу дворца. Именно не царя, а дворца, и это важно. Страницей ниже И. М. Дьяконов сам подчеркивает разграничение между собственно царскими и государственными функциями правителя — последние сводятся к представительству (там же, стр. 58). Почему так редко упоминается эта категория земли? По аналогии с хеттским материалом можно предположить, что домовая община в целом поручала определенным лицам вместо всех прочих повинностей обрабатывать некий участок, доход с которого передавался в дворцовый страховой фонд. Эту форму натурального обложения общин позже заменит унифицированный ассирийцами побор «зерноизъятия» и «солома» (*šē nusaḥi, tibnu*). Возможно также, что по соглашению с общиной на этот участок мог быть посажен какой-нибудь дворцовый служащий, что все равно оставалось формой исполнения дворцовой повинности общиной в целом. Естественно, что такие наделы не были наследственными (РЗОА, стр. 57 со ссылкой на NKRA, стр. 46).

⁴³ Отец Иддинкубе, дед Кидивадада.

В Ассирии XIV в., как и в других странах, концентрация земель приводит к тому, что повинности остаются за сокращенными владениями лиц, погрязших в долгах, а владельцы крупных имений несут тем самым непропорционально урезанные обязанности, которых к тому же лично не выполняют (РЗОА, стр. 69 и 72 сл.).

Для *dunnu* интересный материал дают документы из Телль Биллы, древней Шибанибы, XIII и IX веков, изданные Дж. Дж. Финкельстайном⁴⁴ одновременно с алалахскими архивами. Этот район во все времена был поставщиком скота для городов на среднем Тигре, и в наше время отсюда доставляют скот на мосульский рынок. Билла лежит в 15 милях к северо-востоку от Мосула (и Ниневии).

Среднеассирийские документы Шибанибы восходят ко времени правления Ададнерари и Салманасара I (первая половина XIII в. до н. э.), т. е. они лишь немного моложе самых поздних среднеассирийских документов, изданных в КАЈ. Три документа Шибанибы (Bi, 23; 30; 37) относятся к правлению Тукультининурты I (1243—1207 гг. до н. э.).

Главным лицом Шибанибы, так же как и Нузы, был *halṣuhlu*, комендант крепости. Почти все документы принадлежат его семье (Белкарраду, сыну его — Ашшуркашиду и внуку — Синапалэрешу).

Ашшуркашид, сын Белкаррада, был комендантом крепости Бит-Замани (Bi, 6), в должности которого он выдает доверенным лицам царя (*amēlu qērūtu ša šarri*) несколько имеров ячменя меркой Шибанибы. Очевидно, ассирийский царь присылал для сбора налога своих чиновников, обычно здесь не остававшихся постоянно, как это будет практиковаться позже. В должности коменданта Ашшуркашид упоминается четыре раза (Bi, 16; 20; 21; 17), но в последнем из перечисленных документов он назван комендантом Шибанибы. Возможно, что Бит-Замани подчинялась Шибанибе в этот период. В роли коменданта Шибанибы выступает и сын Ашшуркашида — Синапалэреш (Bi, 25; 11; 29; 31; 32). Один из его документов (Bi, 25) составлен в эпонимат Салманасара I. В этой глуши комендант выполнял и хозяйственные функции (Bi, 21; 29; 31; 21), которые в Алалах и Нузе нес распорядитель дворцового хозяйства (*amēl bīti* или *šakin bīti*).

Dunnu Шибанибы XIII в. скорее было объединением патриархальных общин, как *dimtu* Аррапхи, чем концентрированным имением типа ашшурского *dunnu*, судя по тому, что здесь эта община является основной фискальной единицей наряду с *ālu*: опись Bi, 47 дает перечень 16 *dunnu*, по именам их глав или основателей, с которых получены овцы без указания их количества (очевидно, обычный налоговый сбор). Вместе с тем Bi, 37 отмечает мизерный взнос целой *dunnu* — Ашшуркашид расписывается в получении одной овцы. Можно предположить, однако, что это добор недоимки. В Bi, 50 *dunnu* упоминается в сильно фрагментированном контексте.

Из всего изложенного можно сделать вывод, что домовая больше-семейная община была в начале II тысячелетия до н. э. основной производственной организацией во всех перечисленных странах. К середине периода в Алалах, Аррапхе и Ассирии происходит интенсивное изживание домовой общины, которое приводит к подчинению возникших индивидуальных хозяйств сильнейшему из семейств в составе самой домовой общины или богатому семейству из другой общины. В результате до предела возрастает искусственность всего механизма этой организации и вместе

⁴⁴ J. J. Finkelstein, Cuneiform Texts from Tell Billa (далее — Bi), JCS, VII (1953), № 4.

с тем увеличиваются шансы нарушения нормального его функционирования, прежде всего по отношению к фиску.

Не случайно термина *dunnu* в текстах IX века из Телль Биллы нет. Описи этого периода перечисляют поголовье скота по принадлежности хозяевам, домам (домовым общинам!) и поселениям (Bi, 82—83 и 86—90), т. е. вместо *dunnu* появляются индивидуальные хозяйства. Собранный с Шибанибы скот обозначается термином для всеобщего в новоассирийской державе натурального побора *še nusāhi* и *tibnu* «зерно изъятия» и «солома»⁴⁵. В новоассирийский период большесемейная домовая община во всяком случае перестала быть основной фискальной единицей. Тексты этого времени сохраняют термин *dimtu* только в значении «башня», а термин *dunnu* только для обозначения укрепленных столиц наместничеств. Усадьбы же называются «зерновыми поселениями» (*āl še'i*)⁴⁶. Никакой связи с системой землевладения после создания ассирийской державы эти термины вообще уже не имеют.

Что же касается крупных имений (*dimtu* и *dunnu*) середины II тысячелетия до н. э., то они по существу, безусловно, не были уже чисто натуральными хозяйствами, больше того, и в средних хозяйствах патриархальное рабовладение не было основной формой эксплуатации. Чтобы доказать это анализом их деловой практики, достаточно поднять уже изданные архивы, что мы надеемся сделать в дальнейшем.

⁴⁵ См. РЗОА, стр. 131. Это отнюдь не распоряжение о прокорме скота, как думает Дж. Дж. Финкельштейн.

⁴⁶ Как предполагает И. М. Дьяконов, в смысле «доходное поселение», владелец которого мог жить уже в любом городе и прямого отношения к управлению этой усадьбой не иметь вовсе, он только получал с него доход.

